

Ревизионистская революция в выготсковедении и наследие Выготского в 21 веке¹

Антон Ясницкий

(Торонто, Канада, anton.yasnitsky@gmail.com)

Последнее десятилетие (2006-2016) ознаменовалось целой серией новых исследований по истории русской психологии, которые дали основания говорить об «архивной революции» (Yasnitsky, 2010), а затем даже и о «ревизионистской революции в выготсковедении» (Yasnitsky, 2012), то есть в такой области исторических, текстологических, методологических и теоретических исследований, которые ставят своей целью критическое изучение научного наследия Л.С. Выготского (1896-1934), А.Р. Лурии (1902-1977) и круга их сотрудников, или же, иными словами, так называемого «Круга Выготского-Лурии» (Yasnitsky, 2009, 2011b). Этот доклад дает краткий обзор этих исследований и в заключение предлагает краткое обсуждение потенциала наследия Выготского в свете ревизионистской революции и с точки зрения актуальных задач современного психологического исследования начала 21 века².

¹ Эта статья специально подготовлена по запросу организаторов конференции для публичной презентации в отсутствие автора в виде доклада на Международном сетевом конгрессе к 120-летию Л.С.Выготского, в ходе Научно-практической конференции приуроченной к 120-летию Л.С. Выготского «Человек в мире неопределенности: методология культурно-исторического познания», 15 ноября 2015 в МПГУ, Москва. По своей сути этот текст представляет собой очень сжатое изложение значительного сегмента работы автора, — а также его коллег и единомышленников на четырех континентах — за прошедшее десятилетие 2006-2016, промежуточные результаты которой были сформулированы в своего рода итоговой публикации, вышедшей в виде коллективной монографии под названием «Ревизионистская революция в выготсковедении» (Revisionist revolution in Vygotsky studies) под редакцией Ясницкого и Ван дер Веера в сентябре-октябре 2015 г. в издательстве Раутледж (Routledge); см. (Yasnitsky & van der Veer, 2016).

Публикация расширенной испаноязычной версии книги состоялась в середине 2016 года в издательстве Миньо и Давила (Miño y Dávila Editores); см. (Yasnitsky, Van der Veer, Aguilar, & García, 2016). За небольшим исключением, все работы автора, процитированные в тексте, можно найти в Интернете по адресу: .

<http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/> . Для профессиональных контактов и коммуникаций автор статьи доступен по электронному адресу: anton.yasnitsky@gmail.com . Автор выражает глубокую признательность организаторам конференции за интерес к его работе и за персональное приглашение к участию в конференции.

² «Ревизионистская революция в выготсковедении» (Revisionist Revolution in Vygotsky Studies), зародившаяся еще в критических работах начала 1980х, окончательно оформилась как широкое международное научное движение и набрала размах к середине 2010х, свидетельством чему недавняя публикация программной коллективной монографии под редакцией Ясницкого и Ван дер Веера [23], встретившей большую поддержку ведущих мировых специалистов. Так, например, Питер Смагорински (Peter Smagorinsky), председатель специальной профильной группы по культурно-историческим исследованиям Американской Ассоциации по исследованиям в области образования (Chair, Cultural-Historical Research Special Interest Group of the American Educational Research Association, 2012-2014) и профессор Колледжа Образования Университета Джорджии (College of Education, The University of Georgia, USA) оценивает эту программную монографию как «бесценный

Критика «Культа Выготского»

Положение дел с наследием Выготского в наши дни нередко характеризуется как «бум» или, более критически, «культ Выготского» в РФ и за рубежом. Тем не менее, корни этого культа уводят историю на несколько десятилетий назад. Так, еще в 1981 г. в своей поразительно современно звучащей работе «Значение теории Л. С. Выготского для психологии и дефектологии»³ ее авторы В. В.

том с публикацией интеллектуального проекта по освоению теории Выготского и ее применению к современным проблемам в новых контекстах». Энди Байфорд (Andy Byford), профессор отделения русского языка и культуры Университета Дарема (Department of Russian, the School of Modern Languages and Cultures, Durham University, UK), подчеркивает, что авторы и редакторы монографии «вступают в острую полемику с 'культизмом' в выготсковедении, базируя свои ревизионистские аргументы на оригинальной исторической реконструкции и деконструкции наследия Выготского в Советском Союзе, пост-советской России и в мире. Это собрание исследований проливает новый свет на историю рецепции и продвижения Выготского и его 'школы'». Александр Эткинд (Alexander Etkind), в самом недавнем прошлом профессор Кембриджского университета, а в настоящее время профессор по истории отношений между Европой и Россией отделения Истории и Цивилизации Европейского университета во Флоренции (Mikhail M. Bakhtin Professor of History of Russia-Europe Relations, Department of History and Civilization, European University at Florence, Italy) в своей рецензии на книгу напоминает нам, что «Лев Выготский — это один из тех титанов в психологии, которые были исключительно неверно и несправедливо представлены. Утонченно культурный и глубоко политизированный автор, Выготский творчески объединил фрейдистские и троцкистские влияния, находя источник для собственного вдохновения в психологии развития и языкознании. Эта книга предлагает основательный пересмотр наследия Выготского, неизбежный для любого, кто читает Выготского и следует за ним как психологом». Фернандо Гонзалес Рей (Fernando Luis González Rey), бразильский ученый кубинского происхождения, прошедший аспирантуру в московском Институте общей и педагогической психологии (ныне: Психологический институт им. Щукиной), бывший президент Общества психологов Кубы (1986-1989) и декан психологического факультета и проректор Университета Гаваны (1990-1995), а в настоящее время профессор Университета г. Бразилиа (Universidade de Brasília), приходит к заключению, что «эта книга одновременно опровергает мифы и в то же время кладет основания современному изучению классических работ Выготского». Александр Метро (Alexandre Mettraux), исследователь, аффилированный с Архивами Анри Пуанкаре в Нанси (Archives Henri Poincaré, Nancy, France), и сотрудник Института Отто Зельца Университета г. Мангейм (Otto-Selz Institut für Angewandte Psychologie, University of Mannheim, Germany), ссылаясь на ряд публикаций Ван дер Веера, Завершневой и Ясницкого, составивших костяк книги, как на серию «парадигматических работ, проведенных на основе солидных архивных, текстологических, лексикологических и социо-исторических исследований» утверждает при этом, что «эти исследования парадигматичны еще и ином смысле. Их авторы осознали, наконец, что прежде накопленное знание о работе и жизни Выготского отчасти ограничено, и что необходим свежий взгляд вкупе с использованием новых методов исследования, которые не были использованы еще с 1935 года (скрупулезное изучение архивных источников, методы филологического анализа, переосмысление развития наук с точки зрения анализа политических и общественных процессов, историческая контекстуализация). Это означает, что в не столь отдаленном будущем выготсковедение, весьма вероятно, подтвердит то, что я предвидел еще в начале 21 столетия, а именно: что мой подход к тому, что я наивно называл 'культурно-исторической школой советской психологии', оказалось, принадлежит к холодному и бездвижному прошлому».

Все эти отзывы, которые можно найти на обложке книги, при всей их краткости, вполне информативны и дают неплохое представление о географическом охвате «ревизионизма в выготсковедении» и поддержке «ревизионистскому движению» среди известных и авторитетных исследователей Бразилии, Великобритании, Германии, Италии, США и Франции. В этой связи нельзя не упомянуть то обстоятельство, что расширенная испаноязычная версия монографии, подготовленная при непосредственном участии и поддержке исследователей из Аргентины, Бразилии, Испании, Мексики и Чили, была опубликована в Аргентине в середине 2016 года. Это свидетельствует о том, что ревизионистское движение в настоящее время охватило не только Северную Америку, Западную Европу и, отчасти, Россию, но также Латинскую и Южную Америку.

³ Лучков В. В., Певзнер М. С. Значение теории Л. С. Выготского для психологии и дефектологии. — Вестник МГУ. Серия 14. Психология, № 4, с. 60—71, см. в Интернете http://www.psy.msu.ru/science/luchkov/books/i_250-297.pdf или <http://leo-chuprov.narod.ru/psychologicalarchive.html>. См. тж. недавнюю перепечатку этой публикации в журнале Дефектология. - 2011.-№1. - С. 3-15.

Лучков и М. С. Певзнер подчеркивали: «Трудам Л.С. Выготского не слишком повезло в научном литературоведении: сначала их долго не печатали и не читали. Потом напечатали в скромном объеме и избирательно, а прочитали через призму тех модификаций его взглядов, которые сложились за десятилетия, прошедшие после его смерти, т. е. прочитали неполно и пристрастно». Более того, говоря о «пристрастных интерпретациях Выготского и столь же пристрастных реакциях на такие интерпретации», эти авторы подчеркивают, что «вызывает сомнение корректность [такого] названия теории деятельности [как] «теория деятельности Выготского—Леонтьева—Лурии», равно как и, вообще, выстраивание в линию трех названных фамилий применительно к этой теории. Более того, в последнее время в школе Леонтьева стало принятым говорить и более широко о «школе Выготского—Лурии—Леонтьева» (см., например, Зинченко, 1981), что, по нашему мнению, также неправомерно». Наконец, авторы постулируют следующее: «наш вводный тезис сводится к утверждению необходимости максимально развернутой реконструкции теоретических взглядов Выготского — к созданию «выготсковедения» как актуальнейшего теоретического направления в развитии советской психологии. На этом пути необходимо получить ответ на целый ряд вопросов, попутно преодолевая начинающие складываться мифы о Выготском. В первую очередь нас должны интересовать, по меньшей мере, ответы на следующие вопросы: 1) как следует изучать Выготского? 2) что сделал в психологии и чему научил психологов Выготский?» (Лучков & Певзнер, 1981)

Сходная критика «культы Выготского» постоянно звучит и в западной литературе на протяжении уже трех десятилетий. Один из самых ранних критических пассажей в адрес западного выготскианского наследия прозвучал в книге Яана Валсинера в 1988 и, к сожалению, не утратил своей актуальности вплоть до наших дней. Более того, думается, это рассуждение в равной мере приложимо и к описанию состояния дел в современной русскоязычной психологии: «Интерес современных психологов к идеям Выготского в самом деле парадоксален. С одной стороны, его работы, казалось бы, растут в популярности в Европе и Северной Америке. С другой стороны, однако, вдумчивый анализ и детальное понимание контекста идей Выготского встречается редко... Выготский вызывает впечатление автора, международная известность которого неуклонно растет, при том что его работа остается мало понятой. Корни его идей в западном философском и психологическом дискурсе остаются в основном скрытыми [от его многочисленных поклонников]. Его идеи редко развиваются дальше, либо по теоретической, либо по эмпирической линии»⁴. В этом контексте и вполне созвучно с русскоязычными ревизионистскими публикациями наподобие В.В. Лучкова и М.С. Певзнера (1981) в англоязычной литературе конца 1980х звучит критика самопровозглашенных «выготскианских» ученых⁵. С начала 1990х значительной критике подвергаются западные версии пост-выготскианского наследия, выполненные, как правило, в традиции так называемой «культурно-исторической теории деятельности» (cultural-historical activity theory, CHAT), возникшей под впечатлением от импортированного на Запад конструкта советской поры «школа Выготского—Леонтьева—Лурии» и воспроизведенного с характерными мутациями в работах М. Коула, Д. Вертча, У. Энгестрёма и их последователей. Отталкиваясь от таких программных работ как классические монографии А. Козулина⁶, Р. ван дер Веера и Я. Валсинера⁷—отличных по исполнению, но, к

⁴ Valsiner, J. (1988). *Developmental psychology in the Soviet Union*. Brighton, Sussex: Harvester Press, p. 117

⁵ Simon, J. 1987. *Vygotsky and the Vygotskians*. *American Journal of Education* 95 (4):609-613

⁶ Kozulin, A. (1990). *Vygotsky's Psychology: A Biography of Ideas*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

сожалению, не избавленных от ряда базовых установок устаревшей историографии «репрессированной науки» — и отчасти в полемике с ними, целый ряд западных публикаций подверг критике так называемые «нео-Выготскианские увлечения в современной психологии» (neo-Vygotskian fashions in contemporary psychology)⁸ или «избирательные традиции» в западном Выготскианском наследии⁹. Критике подверглось и самое, пожалуй, известное выражение, которое напрямую ассоциируется с вкладом Выготского в мировую науку и зачастую выдается за основное содержание его научной теории: «зона ближайшего развития». Это понятие в его повседневном англоязычном бытовании обсуждалось как «одно из наиболее используемых, но наименее понятых выражений, которые только встречаются в современной учебно-педагогической литературе»¹⁰ и подвергалось критике как фраза, которая «использовалась лишь как немногим более, чем модная альтернатива пиажетианской терминологии или понятию IQ для описания индивидуальных различий в наличном развитии или его потенциале»¹¹. В этом контексте прозвучало предложение четко разделять разные культурные и научные традиции и не смешивать несколько аморфное и многозначное понятие «зона ближайшего развития» Выготского с его западными аналогами, известными под именем «the zone of proximal development»¹². Эта и подобная ей критика непрерывно нарастала и достигла своего пика в новом тысячелетии. Наиболее часто критике подвергаются многочисленные искажения идей Выготского, пустые и ни к чему не обязывающие «декларации веры» (declarations of faith) в социогенетический принцип развития¹³, «версии Выготского» (versions of Vygotsky)¹⁴, «понятия и выводы странным образом приписываемые Льву Выготскому» (concepts and inferences curiously attributed to Lev Vygotsky)¹⁵, «множественные прочтения Выготского» (multiple readings of Vygotsky)¹⁶, некоторые из которых, как, например, упомянутая выше «теория деятельности» обсуждаются как «тупик» (dead end) для культурно-исторической психологии¹⁷ и, более того, как тупик также и для

⁷ Valsiner, J. (1988). *Developmental psychology in the Soviet Union*. Brighton, Sussex: Harvester Press; van der Veer, R., & Valsiner, J. (1991). *Understanding Vygotsky. A quest for synthesis*. Oxford: Basil Blackwell; Valsiner, J., and R. van der Veer (2000). *The social mind: Construction of the idea*. Cambridge: Cambridge University Press

⁸ Van der Veer, R., and J. Valsiner. 1991. *Understanding Vygotsky: A quest for synthesis*. Oxford: Blackwell, p. 1

⁹ Cazden, C. B. 1996. Selective traditions: Readings of Vygotsky in writing pedagogy. In *Child discourse and social learning: An interdisciplinary perspective*, edited by D. Hicks, 165-186. New York: Cambridge University Press

¹⁰ Дословно: «one of the most used and least understood constructs to appear in contemporary educational literature». См. Palincsar, A. S. 1998. Keeping the metaphor of scaffolding fresh - a response to C. Addison Stone's "The metaphor of scaffolding: Its utility for the field of learning disabilities". *Journal of learning disabilities* 31 (370-373), p. 370.

¹¹ Дословно: «used as little more than a fashionable alternative to Piagetian terminology or the concept of IQ for describing individual differences in attainment or potential». См. Mercer, N., and E. Fisher. 1992. How do teachers help children to learn? An analysis of teacher's interventions in computer-based activities. *Learning and instruction* 2:339-355, p. 342

¹² Valsiner, J., & Van der Veer, R. (1993). The encoding of distance: The concept of the zone of proximal development and its interpretations. In R. R. Cocking & K. A. Renninger (Eds.), *The development and meaning of psychological distance* (pp. 35-62). Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates.

¹³ Valsiner, J., and R. Van der Veer (2000). *The social mind: Construction of the idea*. Cambridge: Cambridge University Press, p.4

¹⁴ Gillen, J. (2000). Versions of Vygotsky. *British Journal of Educational Studies* 48 (2):183—198

¹⁵ Gredler, M. E. 2007. Of cabbages and kings: Concepts and inferences curiously attributed to Lev Vygotsky (Commentary on McVee, Dunsmore, and Gavelek, 2005). *Review of Educational Research* 77 (2):233-23

¹⁶ van der Veer, R. 2008. Multiple readings of Vygotsky. In *The transformation of learning: Advances in cultural-historical activity theory*, edited by B. van Oers, W. Wardekker, E. Elbers and R. van der Veer, 20-37. Cambridge: Cambridge University Press

¹⁷ Toomela, A. 2000. Activity theory is a dead end for cultural-historical psychology. *Culture & Psychology* 6 (3):353-364

методологического мышления в психологии культуры¹⁸. Некоторые публикации ставят вопрос «читает ли кто-нибудь на самом деле Выготского» (if anyone actually reads Vygotsky's words)¹⁹ и «не поздно ли уже понимать Выготского для использования его идей в школьном классе» (too late to understand Vygotsky for the classroom)²⁰, и, наконец, предлагают «перевернуть Выготского с головы на ноги» (turning Vygotsky on his head)²¹. Воистину жемчужиной в этом ряду критических публикаций является недавний том Роналда Миллера, вышедший под названием «Vygotsky in perspective» (Выготский в перспективе)²², в котором его автор дает подробнейший анализ последних трех глав книги Выготского «Мышление и речь» (1934) с последующей восхитительной — хоть и не всегда бесспорной — критикой ряда западных «выготскианских» учений, наиболее часто ассоциирующихся с научной деятельностью Майкла Коула и Джеймса Вертча. Впрочем, и эта книга не лишена своих, сравнительно малосущественных недостатков²³.

В свете всех этих многочисленных критических заявлений в адрес «выготскианства» и «культы Выготского» неслучайным представляется появление современного интеллектуального движения, которое стремится преодолеть недостатки традиционного «выготскианского» дискурса и научного наследия и предложить новые пути его развития — с опорой на исторически подлинные разработки самих Выготского и Лурии и, с другой стороны, в контексте науки 21 века.

Предыстория ревизионистского поворота: три источника и три составные части ревизионизма

Можно выделить три источника и три составные части ревизионистского поворота в выготсковедении, которые, собственно говоря, и позволили ему сформироваться как особой области знания, международно известной и признанной как Vygotsky Studies.

Во-первых, ревизионистская революция не смогла бы состояться без «архивной революции», произошедшей в ряде исследований, выполненных, начиная с 2006 года, параллельно в РФ и за рубежом на материалах архивных документов, обнаруженных в частных и ведомственных архивах в РФ, Восточной и Западной Европы и в Северной Америке. Среди наиболее заметных собственно архивных исследований и публикаций следует отметить серию работ, выполненных Е.Ю. Завершневой (отчасти в соавторстве) на материалах, обнаруженных в личных архивах семьи

¹⁸ Toomela, A. 2008. Activity theory is a dead end for methodological thinking in cultural psychology too. *Culture & Psychology* 14 (3):289-303

¹⁹ Gredler, M. E., and C. S. Shields. 2004. Does no one read Vygotsky's words? Commentary on Glassman. *Educational Researcher* 33 (2):21-25

²⁰ Gredler, M.E. 2012. Understanding Vygotsky for the classroom: Is it too late? *Educational Psychology Review* 24 (1):113-131

²¹ Rowlands, S. 2000. Turning Vygotsky on His Head: Vygotsky's "Scientifically Based Method" and the Socioculturalist's "Social Other". *Science & Education*, vol. 9, Issue 6, p.537-575

²² Miller, R. (2011). *Vygotsky in perspective*. New York: Cambridge University Press.

²³ Yasnitsky, A. (2013), Ronald Miller. *Vygotsky in Perspective*. New York, NY: Cambridge University Press, 2011. 466 pp. \$110.00 (hardcover). ISBN-13: 978-1107001862. *J. Hist. Behav. Sci.*, 49: 108–111. doi: 10.1002/jhbs.21585, см. в Интернете <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/jhbs.21585/full>

Выготского и опубликованных преимущественно в журнале «Вопросы психологии»; см., напр., (Zavershneva, 2014; ван дер Веер & Завершнева, 2012; Завершнева, 2008а, 2008b, 2009а, 2009b, 2012, 2013; Завершнева & Осипов, 2010). Другой исследовательский проект, также стартовавший в 2006, был проведен в архивах Украины на материале документов, относящихся к коллективу сотрудников Выготского, Лурии и Леонтьева, работавшему в Харькове в довоенные годы (Yasnitsky & Ferrari, 2008а, 2008b; Ясницкий, 2008, 2009, 2012b)²⁴. Примечательны, хотя и более редки, работы, проведенные на материале архивов Лурии, например, исторические исследования и комментированные издания архивных документов (Александрова, 2016; Ахутина, 2012; Лурия, 2012, 2014; Ясницкий, 2012с)²⁵. В последнее время начинают также появляться публикации, выполненные на основе неопубликованных документов Выготского и Лурии из западных архивов за пределами РФ (Yasnitsky, 2012; Ясницкий, 2012а), в том числе, например, небольшой очерк о франкофонной статье Лурии по дефектологии, опубликованной в Париже в 1936 году (Lamdan & Yasnitsky, 2013); готовятся к печати и другие работы этого плана, например, сенсационное исследование о заграничной переписке Лурии периода Второй мировой войны (1939-1945)²⁶. Также весьма примечательно и недавнее диссертационное исследование о «теоретической истории» революционной «романтической науки» А. Лурии, выполненное с привлечением обширного набора архивных документов и защищенное Ханной Проктор в Лондоне в 2016 году (Proctor, 2016)²⁷. К исследованиям этого рода примыкает серия текстологических работ, посвященная сравнительному анализу текстов Выготского в переводе на английский (Van der Veer & Yasnitsky, 2011, 2016а) и в их публикациях в оригинале, то есть на русском языке (Kellogg, 2011а, 2011b; Kellogg & Yasnitsky, 2011; Mecacci & Yasnitsky, 2011; Zavershneva, 2012; Завершнева, 2009а; Завершнева & Осипов, 2010, 2012).

Во-вторых, важный прорыв состоялся благодаря смещению исследовательского фокуса с фигуры, личности и наследия Выготского на обширный научный коллектив и неформальную сеть контактов, известную в литературе как «круг Выготского», а точнее—как «круг Выготского-Лурии». В этих исследованиях представлен «выготскианский проект» не как плод ума «одинокоего гения психологии», а как результат мультидисциплинарной и разнонаправленной работы географически распределенного и сравнительно мало координированного коллектива исследователей из

²⁴ Все тексты доступны в Интернете на странице первого автора: <http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/>

²⁵ См. некоторые источники в Интернете:

https://www.academia.edu/7529463/Комментарии_к_2_документам_из_архива_А.П.Лурии_,
<http://psyjournals.ru/kip/2012/n2/52531.shtml>,

[http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20\(2012\)_VopPsy_4.pdf](http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20(2012)_VopPsy_4.pdf), http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2016/data/8477/uid102037_report.pdf

²⁶ См., например, полный текст еще не опубликованной работы Ламдан, Ясницкий, Ван дер Веер (2015). "В августе 1941-го": Неизвестное письмо А.Р. Лурии в США как зеркало "ревизионистской революции"; в Интернете:

[http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Lamdan,%20Yasnitsky,%20van%20der%20Veer%20\(2015\).pdf](http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Lamdan,%20Yasnitsky,%20van%20der%20Veer%20(2015).pdf)

²⁷ Proctor, Hannah (2016). Revolutionary thinking: A theoretical history of Alexander Luria's 'Romantic science'. Unpublished PhD thesis, Birkbeck, University of London; см. в Интернете: <http://bbktheses.da.ulcc.ac.uk/186/>; окончательная версия полного текста диссертации:

<http://bbktheses.da.ulcc.ac.uk/186/1/PhD%20Current%20FINAL%20with%20corrections.pdf>

нескольких десятков человек—сотрудников и единомышленников Выготского и Лурии как в Советском Союзе, так и за его пределами (Yasnitsky, 2009, 2011b, 2016c)²⁸.

В-третьих, огромный вклад в ревизионистское движение в выготсковедении внесла ревизионистская историография России и Советского Союза периода нескольких последних десятилетий (в частности, работы Ш. Фитцпатрик, С. Коткина, Д. Хоффмана, М. Дейвида-Фокса, Н. Кременцова, А. Кожевникова и мн. др.), которая основательно перевернула и существенно обогатила наши традиционные представления о советской и русской науке как социальном институте, взаимоотношении власти и общества, научных исследований, идеологии и пропаганде, и т.п.²⁹

Обзор ревизионистских работ последнего десятилетия (2006-2016)

Итак, что же было сделано конкретно? Какие инновации и головокружительные, сенсационные открытия принесла нам ревизионистская революция в выготсковедении? Основные находки и открытия можно подытожить в виде основных 8 (восьми) тезисов.

1. «Культ Выготского» зародился, по всей видимости еще в середине 1930х, но в полной мере получил свое развитие в послевоенный период, в условиях «сталинской модели науки», сохранившейся в РФ—хоть и с некоторыми существенными трансформациями—вплоть до наших дней³⁰. Именно это и предопределило культовый статус этого научного деятеля и, очевидно, послужило основной причиной заметных искажений его научного наследия в публикациях его работ

²⁸ Наиболее полный список имен сотрудников и единомышленников Выготского и Лурии опубликован в Приложении к книге, вышедшей под редакцией Ясницкого и Ван дер Веера: Revisionist Revolution in Vygotsky Studies. London and New York: Routledge, 2016.

²⁹ Краткий обзор нескольких ревизионистских волн в историографии России и СССР см. в Дмитриев А. Н. "Академический марксизм" 1920-1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства // Новое литературное обозрение. № 88. 2007. С. 10—38, см. в Интернете <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/88/dm2.html> ;

³⁰ О «сталинской модели» советской науки см. программные монографии на английском языке: Kojevnikov, A. V. (2004). Stalin's Great Science. The Times and Adventures of Soviet Physicists. London: Imperial College Press; Kremenstov, N. (1997). Stalinist science. Princeton: Princeton University Press. На русском языке доступны такие тексты на тему «сталинской модели» этих же, а также ряда других авторов: Кременцов, Н.Л. От сельского хозяйства до... медицины // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991, с.91-113, см. в Интернете <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/krem91os.htm> ; Кременцов, Н.Л. Равнение на ВАСХНИЛ // Репрессированная наука. Вып.2. СПб.: Наука, 1994, с.83-96, см. в Интернете: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/krem94os.htm> ; Кременцов, Н.Л. «Американская помощь» в советской генетике, 1945—1947 // ВИЕТ, 1996, № 3, с. 25-41, см. в Интернете: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/krem96v.htm> ; Кременцов, Н.Л. Принцип конкурентного исключения // На переломе: советская биология в 20х—30-х гг. Вып. 1. / Под ред. Э. И. Колчинского. СПб., 1997, с. 107-164, см. в Интернете <http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/naperelome/1/107-164.pdf> ; Кожевников А.Б. Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947-1952 гг. // ВИЕТ, 1997, 4, с.26-58, см. в Интернете: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/viet/1997/4/26-58.pdf> ; Сорокина, М.Ю. Русская научная элита и советский тоталитаризм (очень субъективные заметки) // Личность и власть в истории России XIX-XX вв. Материалы научной конференции. СПб.: Нестор, 1997. С. 248-254; см. в Интернете <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/sork97n.htm>

советского периода и их массовой рецепции в известном нам виде и формах (Yasnitsky, 2016b; Ясницкий, 2015a, 2015b)³¹.

2. Традиционно постулируется, что существовал официальный «запрет на Выготского» в сталинский период от постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» 1936 года³² вплоть до первого переиздания в 1956 г. посмертного сборника работ Выготского «Мышление и речь» (1934). Как показывает специальное исследование, такого двадцатилетнего «запрета на Выготского» и его научное наследие никогда не было. И напротив, есть основания говорить о неофициальном, фактическом умалчивании и цензуре которой подверглось научное творчество Выготского в 1960е-1970е годы, когда самопровозглашенные «ученики Выготского» занимали лидирующие позиции в административном руководстве советских и международных психологических организаций (Fraser & Yasnitsky, 2015, 2016)³³.

³¹ См. русскоязычные источники по адресу:

[http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20\(2015\).%20Stalinist%20Russian%20psychology.pdf](http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20(2015).%20Stalinist%20Russian%20psychology.pdf) или <http://pem.esrae.ru/pdf/2015/3-4/74.pdf>

³² См. полный текст постановления в Интернете

[http://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_ЦК_ВКП\(б\)_от_4.07.1936_о_педологических_извращениях_в_системе_Наркомпросов](http://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_ЦК_ВКП(б)_от_4.07.1936_о_педологических_извращениях_в_системе_Наркомпросов)

³³ Ср., из книги воспоминаний Г.П. Щедровицкого «Я всегда был идеалистом...» М.: Путь, 2001 (см. полный текст в Интернете: <http://lizard.jinr.ru/~tina/world/history/schedr/GP001.html>): «вскоре, к своему большому удивлению, я понял, что не только враги Выготского, но и в первую очередь его ближайшие ученики делают все от них зависящее, чтобы его труды не вышли.

Первоначально мне это казалось странным и удивительным. И первые полгода я, по-видимому, очень веселил власть имущих ученых своей наивностью. Я ходил и говорил:

- Александр Романович [Лурия], у Вас такие лаборатории, у Вас столько людей - Вы же можете посадить одного человека на подготовку рукописей Выготского. Вы - председатель редакционно-издательского совета. Вы проводите столько Ваших книг через это издательство. Не проходит года, чтобы что-то не вышло. Вы же точно так же можете опубликовать том сочинений Выготского. Если Вы этого не можете, давайте я его поставлю в редакционно-издательский план. Я пойду к директору издательства, и мы включим его в план, как я это делал с другими работами. Это же так просто, это ничего не стоит.

На что следовал ответ:

- Нет ставок. Существующие ставки - это для живой, настоящей исследовательской работы. Мы не можем себе позволить выделять какую-нибудь ставку для человека, который будет разбирать архивы.

- Ну ладно, Вы не можете. Давайте я это сделаю в свободное от работы время, просто так.

- Нет, Георгий Петрович, это невозможно, поскольку мы не можем допустить, чтобы Ваш труд не оплачивался.

-Ну пусть это сделает семья - вот Гита Львовна [Выгодская], она готова заняться архивом...

То же самое я говорил Алексею Николаевичу Леонтьеву:

- Алексей Николаевич, у Вас отделение, там масса людей. Посадите одного младшего научного сотрудника.

Алексей Николаевич отвечал мне более витиевато:

- Все нужно ко времени, Георгий Петрович. А кто может поручиться, что это время уже наступило?

Это было между 1956 и 1959 годами. Вы знаете, что в конце 1956 года вышел первый том, сделанный трудами семьи Выготского. И это было сделано вопреки желанию его учеников! Надо, правда, отдать должное Запорожцу, который во многом помог.

Я хочу отметить, что Александр Владимирович Запорожец, насколько я понимаю, был единственным, кто пытался что-то сделать. Но он был повязан совершенно намертво своими групповыми связями и поэтому не мог предпринять никаких реальных шагов - и если помогал, то только скрытно.

Когда же, опять-таки усилиями семьи и благодаря самодеятельности Матюшкина, в 1959 году был подготовлен второй том, то это совпало с попыткой снова "закрыть" Выготского и одновременно нанести удар выготскианцам, или леонтьевцам, которые к тому времени становились все сильнее и сильнее.

Вопрос о том, почему, собственно, ученики Выготского тормозили издание его трудов, следует обсуждать особо.

3. Целый ряд текстов Выготского позиционируются как его центральные и основополагающие теоретические работы. С другой стороны, как показали исследования, эти тексты либо не были завершены и подготовлены к печати их автором, либо были сфальсифицированы после смерти их автора. Этот вывод распространяется на ряд текстов, известных под названиями: «(Исторический) Смысл психологического кризиса», «История развития высших психических функций», «Орудие и знак в развитии ребенка» и др. (Van der Veer & Yasnitsky, 2016b; ван дер Веер, 2012; Гольдберг, 2012; Завершнева, 2009а; Коул, 2012; Ренатус, 2012; Ясницкий, 2011, 2017).

4. Сходным образом, целый ряд понятий, фраз и выражений, которые позиционируются как центральные и фундаментальные в «теории Выготского» использовались им в его оригинальных текстах и прижизненных публикациях либо крайне редко, либо не использовались никогда. Это касается таких слов и выражений как, например, «интериоризация», «высшие психические функции» и «культурно-историческая» теория/психология (Keiler, 2012; Yasnitsky, 2011a; Кайлер, 2012; Ясницкий, 2011). Более того, сохранились источники, где Выготский открыто и решительно высказывается против использования тех или иных понятий и выражений, которые не только традиционно ему приписываются, но и постулируются как его основное достижение и теоретическая инновация. Например, обсуждая название собственной теории и исследовательского метода, Выготский периода 1930х годов эксплицитно отвергал такие их атрибуты как «инструментальный», «культурный», «сигнификативный» (т.е. относящийся к «знаку») или «конструктивный» (Zavershneva, 2016, pp. 105–106; Завершнева, 2008а, pp. 144–145)³⁴. Размышляя о центральном понятии своей

Вот я сейчас, глядя на всю эту 25-летнюю историю, утверждаю, что издать его пятитомник или семитомник в то время, в 50-е и 60-е годы, было очень легко. Никаких трудностей в реальной подготовке, никаких трудностей в издании не было. Это, конечно, потребовало бы определенной борьбы. Может быть, я чего-то здесь не понимаю, но вот история, которую я вам расскажу дальше, показывает, что борьба-то была фактически пустяковой и усилия для победы требовались очень маленькие».

И далее:

« - А какова была судьба дальнейших публикаций работ Л.С.Выготского?

Разговоры о дальнейших публикациях шли все время, но никто не делал никаких телодвижений. Вот сейчас [интервью записано в 1980 году], как Вы хорошо знаете, Коля, будут публиковаться препарированные семь томов... т.е. будут ли - это неизвестно, но известно, что Выготского там препарировали и переписали под теорию деятельности. Сейчас выйдет, так сказать, деятельностьный вариант. Причем, на самом деле это фальсификация.

Я только добавил бы к сказанному очень интересную вещь: те, кто сопротивлялся изданию работ Выготского, в такой же мере сопротивлялись и изданию работ Пиаже. Когда я вошел в 1961 году в редакционно-издательский совет с предложением перевести и издать том избранных сочинений Жана Пиаже (он опубликован в 1968 году), то мне понадобилось четыре года, чтобы разными хитрыми ходами преодолеть - я не буду сейчас обсуждать технику этого дела - сопротивление А.Р.Лурии. Он делал все, чтобы собрание сочинений Пиаже не вышло. Делал скрытно, но и открыто тоже, т.е. говорил на заседаниях редакционно-издательского совета, что это нам не нужно, что наши концепции более передовые, что зачем нам переводить и публиковать Жана Пиаже, когда у нас есть собственные работы, далеко ушедшие вперед и т.д.

- Такое впечатление, что это не характеристика данных людей как таковых или какая-то особенность их психологии. Эти ситуации все время воспроизводятся. . .

Да. Дело именно в групповой психологии. Я ведь очень хорошо понимаю то, что там происходило. Дело в том, что они, ученики, переписывали, использовали Выготского. Точно так же эксплуатируются работы Пиаже, его эксперименты, но не публикуют самого Пиаже».

³⁴ См. из записок Выготского, опубликованы Завершневой (авторская пунктуация частично утрачена при публикации, но буквально сохранена и передана ниже в полном соответствии с архивным документом Выготского):

«NB! Недостающее нам имя, обозначение. Оно не д. б. вывеской (интуитивизм). Не инструм., не культурный, не сигниф., не констр. etc. Не только из-за смешения с др[у]г[и]ми теориями, но и из-за внутр[е]нной неясности:

незаконченной теории, Выготский говорит о понятии «высшей функции», но при этом подчеркивает в своих частных документах и опубликованных работах принципиальнейшее положение, что речь идет не о «психических», а о «психологических» функциях, иными словами, о «высших психологических функциях» (Zavershneva, 2016, p. 117; Завершнева, 2008b, p. 130)³⁵.

напр., идея аналогии с инструм. = только леса, существеннее несходство. Культура: но откуда сама культура (она непервична, а это скрыто). Итак:

1) для метода обозначение

мет. дв[ой]ной стимуляции;

2) для учения в целом

a) психол. высших функций, т. е.

b) историческ. психология или

c) историч. теория высш. психол. ф[у]нкций.

Ибо центральное понятие для нас — понятие высшей функции:

в нем содержится учение

a) о ее развитии, b) о ее психол. природе, c) о методе ее исследования»

³⁵ См. из записок Выготского, опубликованы Завершневой: «1. Сознание определяет жизнь (образ), но оно само возникает из жизни и образует ее момент: ergo жизнь определяет жизнь через сознание. К[а]к только мы оторвали мышление от жизни (от динамики) — взяли его как понятие пс[и]х[и]ч[е]ск[о]го, а не психол[о]г[и]ч[е]ск[о]го[,] — мы закрыли себе всякий путь к выяснению и объяснению его главного свойства: определять образ жизни и поведения, действовать, влиять». Итак, Выготский подчеркивает необходимость рассматривать явления как «психологические», а не «психические». Разъяснение этому положению можно найти в программном тексте Выготский Л.С. Психика, сознание, бессознательное // Корнилов, К.Н. (Ред.). Элементы общей психологии (Основные механизмы человеческого поведения). М: изд-во БЗО при педагогическом факультете 2-го МГУ, 1930. Год 1. Вып. 4. С. 48–61 (переиздан с искажениями в 1982 в «Собрании сочинений» Выготского, т. 1, стр. -132-148; здесь цитируется по оригинальному изданию 1930г. с сохранением авторской разрядки текста):

«Диалектическая психология ... не смешивает психические и физиологические процессы, она признает несводимое качественное своеобразие психики, она утверждает только, что п с и х о л о г и ч е с к и е процессы едины. Мы приходим, таким образом, к признанию своеобразных психофизиологических единичных процессов, представляющих высшие формы поведения человека, которые мы предлагаем называть п с и х о л о г и ч е с к и м и п р о ц е с с а м и , в отличие от психических и по аналогии с тем, что называется физиологическими процессами.

Легко может возникнуть вопрос: почему процессы, психофизиологические по природе, как уже сказано, не называть этим двойным именем? Нам кажется: главный повод заключается в том, что, называя эти процессы психологическими, мы исходим из чисто методологического определения их, мы имеем в виду процессы, изучаемые п с и х о л о г и е й , и этим подчеркиваем возможность и необходимость единого и целостного п р е д м е т а психологии как науки. Наряду с этим и не совпадая с ним, может существовать и психофизиологическое изучение — психологическая физиология или физиологическая психология, которая ставит своей специальной задачей установление связей и зависимостей, существующих между одним и другим родом явлений» (стр. 53; ср. стр. 138 издания 1982 года). И далее:

«нельзя, оторвав психику от тех процессов, неотъемлемую часть которых она составляет, спрашивать, для чего она нужна, какую роль в общем процессе жизни она выполняет. На деле существует психический процесс внутри сложного целого, внутри единого процесса поведения, и, если мы хотим разгадать биологическую функцию психики, надо поставить вопрос об этом процессе в целом: какую функцию в приспособлении выполняют эти формы поведения? Иначе говоря, надо спрашивать о биологическом значении не психических, а психологических процессов, и тогда неразрешимая проблема психики, которая, с одной стороны, не может явиться эпифеноменом, лишним придатком, а с другой — не может ни на йоту сдвинуть ни один мозговой атом,— эта проблема оказывается разрешимой.

Как говорит [Курт] Коффка, психические процессы указывают вперед и далее себя на сложные психофизиологические целые, частью которых они сами являются.. Эта монистическая целостная точка зрения и заключается в том, чтобы рассматривать целое явление как целое, а его части как органические части этого целого. Таким образом, вскрытие многозначительной связи между частями и целым, умение взять психический

5. На протяжении 1920х годов Выготский создал некое подобие научной— механистической и редукционистской— теории «инструментальной психологии», которую сам же успешно разрушил в публичной и приватной самокритике периода начала 1930х годов. Именно в этот период 1930х годов Выготский и Лурия испытывали значительное влияние гештальт-психологии и в первую очередь работ и идей таких ее деятелей как Макс Вертхаймер, Курт Коффка, Курт Гольдштейн, Курт Левин и их учеников и последователей—сотрудников Выготского и Лурии, Гиты Биренбаум, Блюмы Зейгарник и Нины Каулиной. Именно под влиянием немецко-американской «целостной психологии» Выготский и начал значительную перестройку собственной психологической концепции, но эта попытка осталась незавершенной, а ее автор скончался, по собственному признанию, «на пороге» новой теории, увидев лишь общие ее очертания. В некоторых публикациях последнего времени этот укрепляющийся альянс между советскими и германо-американскими психологами и сближение их теоретических позиций получил несколько дискуссионное название «культурно-исторической гештальт-психологии» (Yasnitsky, 2012, 2016a; Ясницкий, 2012a).

6. Выготский неоднократно заявлял о своей марксистской приверженности в науке. Тем не менее, согласно проведенному исследованию среднеазиатских экспедиций Лурии 1931 и 1932 годов, следует признать марксизм Выготского вплоть до начала 1930х годов, хоть и предположительно, согласно традиционной оценке, «искренним», но в теоретическом отношении поверхностным и вульгарным. Также обращает на себя внимание ламаркизм Выготского и Лурии, характерный для той революционной эпохи и проявившийся в ряде их текстов и, в частности, в организации и интерпретации результатов среднеазиатских экспедиций Лурии (Allik, 2013; Goncharov, 2013; Lamdan, 2013; Lamdan & Yasnitsky, 2016; Proctor, 2013; Гончаров, 2013; Ламдан, 2013; Ясницкий, 2013).

7. Посмертная слава и культовый статус Выготского развивались параллельными курсами как в СССР, так и за его границами. Тем не менее, существенны и немалые различия. Так, в СССР «культ Выготского» был базисной и системообразующей установкой для клана так называемых «выготчан», известных также под собирательным условным названием «учеников Выготского»³⁶. Эта

процесс как органическую связь более сложного целого процесса — в этом и заключается основная задача диалектической психологии» (стр. 54-55; ср. стр. 140 издания 1982 года). И еще:

«Если принять во внимание, что предмет психологии — целостный психофизиологический процесс поведения, то становится совершенно понятным, что он не находит полного адекватного выражения в одной психической части» (стр. 55; ср. стр. 141 издания 1982 года). И наконец:

«только диалектическая психология, утверждающая, что предмет психологии является не психофизически нейтральное, а психо-физиологически единое целостное явление, которое мы условно называем психологическим явлением, способна указать выход. Все попытки, ... знаменательны в том отношении, что они хотят разрушить созданное старой психологией мнение, будто между психическим и психологическим можно провести знак равенства, они показывают, что предметом психологии являются не психические явления, но нечто более сложное и целое, -- в состав которого психическое входит только как органический член, -- и что можно было бы назвать психологическим, -- только в раскрытии содержания этого понятия диалектическая психология резко расходится со всеми остальными попытками» (стр. 60; ср. стр. 147 издания 1982 года).

³⁶ Ср., из книги воспоминаний Г.П. Щедровицкого «Я всегда был идеалистом...» (1980) (см. полный текст в Интернете: <http://lizard.jinr.ru/~tina/world/history/schedr/GP001.html>): «Я по своему положению, ориентации, по групповой принадлежности был в другой группе - в группе учеников Выготского, о чем Шеварев прекрасно знал. Но это никогда не мешало ему обсуждать все проблемы по существу, у него вообще отсутствовало при обсуждении научной проблематики групповое отношение, отношение человека другой кланки, хотя принципы кланки он знал прекрасно. Например, он мне говорил:

- Я не люблю учеников Выготского.

- Почему, Петр Алексеевич?

группа ассоциируется в первую очередь с именами Александра Лурии (1902-1977) и Алексея Н. Леонтьева (1903-1979). Исследования и научные публикации Лурии (по нейропсихологии) и Леонтьева (по психологии детского развития и спекулятивно-теоретической «общей психологии») не имели между собой фактически ничего общего, т.е. не содержали общей тематической или методологической связки, и *фактически* (а не *декларативно*) не имели единой концептуально-теоретической рамки. Выготский при этом использовался этими и другими авторами как один из основополагающих элементов мифологемы о трех отцах-основателях так называемой «теории деятельности»³⁷ и так называемой «школы Выготского—Леонтьева—Лурии» (как вариант того же: «школа Выготского—Лурии—Леонтьева»)³⁸. Его работы цитировались и произвольно

- Они - как одесские фарцовщики. Это группа, для которой нет истин, для них есть только "наш" или "не наш", свой, принадлежащий группе, или чужой.

В те годы мне это казалось очень странным, и я всегда высказывал сомнения. Он мне говорил: "Георгий Петрович, поживете - разберетесь".

Надо сказать, старик был абсолютно прав, и я многократно убеждался в правильности его суждений, т.е. в том, что группа учеников Выготского живет и всегда жила прежде всего по принципу "свой" или "чужой", и этим определялись их отношения. Проблема содержания, истины отходила всегда на задний план. Она не уходила вообще, она присутствовала, но она была всегда вторичной. Сохранение дружеских отношений внутри группы и борьба против других - вот это все вошло в их плоть и кровь. Они так воспитывались, это было всегда определяющим элементом их групповой культуры. И больше того, они никогда не считали подобную групповщину безнравственной». И далее:

«Я не рискнул бы сейчас как-то осуждать этих людей и не хочу, чтобы все то, что я говорю, воспринималось как личная негативная оценка - я далек от этого. Больше того, я даже не знаю, могу и вправе ли я здесь вообще давать оценки. Это очень тонкое дело. Я просто фиксирую этот момент как факт образа жизни и культуры людей, усвоенных ими в тех, по-видимому, очень непростых, может быть, тяжелых, часто смертельных ситуациях, в которые они попадали. Но на этом примере хочется показать разницу между людьми того, предшествующего поколения, которые воспитывались в совершенно другой культуре, на совершенно других принципах, и людьми нового поколения, воспитывавшимися уже в 20-30-е годы. У них другая нравственность, другая логика, а может быть, правильное сказать, что это уже люди безнравственные, люди, для которых политическая конъюнктура, политические соотношения, оценки "свой-чужой" стали в принципе превалирующими и определяющими их поведение. Может быть, все дело в том, что их долго били, и в том, что они вынуждены были жить как узкая группа, защищаясь от ударов со всех сторон, и поэтому, когда они приобрели некоторую власть, то использовали ее в том духе, в котором были воспитаны. Я лишь подчеркиваю сейчас различие культур двух поколений, сменивших друг друга, - вот что должно быть известно, должно быть понятно. Я далек от позиции осуждения, но я вместе с тем думаю, что вот такая позиция - и это то, что я извлек из опыта общения со всеми этими людьми, часто совместной работы с ними, столкновений - сделала для них в принципе невозможным занятие наукой. Нельзя быть ученым, мыслителем с такими ценностями, с такой культурой. Вот что, на мой взгляд, важно.»

³⁷ Ср., из интервью В.П. Зинченко (2003) «Да, очень противоречивая фигура...». Журнал практического психолога, 1–2, 162–179 (см. полный текст в Интернете: <http://lizard.jinr.ru/~tina/world/history/schedr/GP001.html>): «В.П.Зинченко: На самом деле никакой теории деятельности нет. Можно говорить о «психологическом подходе к деятельности», или о «деятельностном подходе», или, наконец, об удачном «деятельностном выходе» из сложившейся социально-идеологической ситуации. В этом несомненная заслуга С.Л.Рубинштейна и А.Н.Леонтьева. По сути — это очередная форма редукционизма в психологии, которая не только не хуже, а многим лучше бытующих и сегодня форм физиологического, социологического, логико-математического и бесконечного числа других форм редукции психики к тому, что психикой не является. Но, к счастью, это еще не все».

³⁸ Ср., утверждение из уже цитированной выше статьи Лучкова и Певзнер (1981): «вызывает сомнение корректность [такого] названия теории деятельности [как] «теория деятельности Выготского—Леонтьева—Лурии», равно как и, вообще, выстраивание в линию трех названных фамилий применительно к этой теории. Более того, в последнее время в школе Леонтьева стало принятым говорить и более широко о «школе

интерпретировались, согласно установкам и интересам того или иного клана или иерархически организованной группировки научных деятелей (так называемых «научных школ»), но—силами психологов—до начала 1980х не издавались³⁹. В результате множественных манипуляций с оригинальными текстами Выготского и его произвольного социального позиционирования в Советском Союзе к концу 1970х годов сложилась такая ситуация, при которой наследие Выготского, по мнению некоторых авторов, развивалось более эффективно не на родине, а за рубежами СССР, в частности, в США⁴⁰.

Выготского— Лурии—Леонтьева» (см., например, Зинченко, 1981), что, по нашему мнению, также неправомерно».

³⁹ Из интервью В.П. Зинченко (2003) «Да, очень противоречивая фигура...». Журнал практического психолога, 1–2, 162–179 (см. полный текст в Интернете: <http://lizard.jinr.ru/~tina/world/history/schedr/GP001.html>): «Е.Е.Соколова: Владимир Петрович, Вы что-нибудь знаете об отношениях Леонтьева с Выготским? У Вас промелькнуло что-то, по этому поводу.

В.П.Зинченко: Леонтьев говорил неоднократно: «Вы же понимаете, Владимир Петрович, что кроме меня книги о Выготском никто не может написать, это мой долг». Были написаны только статьи...

Е.Е.Соколова: И то, одна из них с Александром Романовичем была, совместная...

В.П.Зинченко: И то последнюю не он писал.

Е.Е.Соколова: Это к собранию сочинений?

В.П.Зинченко: Леонтьев не хотел дожить до выхода в свет трудов Выготского. И он не дожил. Он все сделал, чтоб не дожить. Никто, кроме Леонтьева, не мог написать вступительную статью к Собранию сочинений (таково было внушенное им общее мнение), а он не писал категорически. Лурия умер [в 1977], не дождался. Уже все готово, несколько томов в издательстве готово, издательство годами ждет статью от этого занятого человека. [Редактор издания] В.В.Давыдов жалуется. Я предложил Давыдову: слушай, у тебя есть борзописец, Леша Радзиховский, только что защитил диссертацию по Выготскому. Скажи ему, пусть напишет вступительную статью к Собранию сочинений, возьми эту статью, отнеси сам Леонтьеву, скажи, что ты ее написал и от него требуется только подписать. Так и было сделано. Леонтьев уже не мог отказать. Не знаю, найдут ли черновики, есть ли они? Это единственный способ опровергнуть сказанное. 2–3 года тому назад меня пригласили на 20-летие выпуска Радзиховского, я Лешу увидел. Я говорю: «Так было?» Он: «Владимир Петрович, все так и было». Это отношение Леонтьева к учителю.

Итак, книжку о Выготском Леонтьев не написал. Самое лучшее, что он о нем написал, это некролог. Мне видится, что у Леонтьева был осознанный ли, инстинктивный, но какой-то страх полностью издать Выготского. Ему казалось, что его деятельность, его труды, его гений уйдут в тень (между прочим, как они и ушли в тень) по сравнению с Выготским. Выготский у нас в тень не ушел. Пока?! Правда, «тьень» не слишком удачное слово, поскольку равноценных фигур, которые бы ее отбрасывали, не видно.

В недавнем издании я наткнулся на автобиографию Леонтьева, написанную в 1965 году. Там не только между строк, но и в строках видно, что он первые годы работал с Выготским, потом почувствовал свою силу и ушел в самостоятельное плавание. В этом ничего худого нет. Но зачем это было потом скрывать?

Помню его речь на панихиде Александра Романовича, на Погодинке, 8: «Нас было трое — Лев Семенович, Александр Романович и я. Потом нас стало двое — Александр Романович и я. А теперь я один». Как же так? Рядом стоит Запорожец, Эльконин, Гальперин, Зейгарник... Все они были там. Как это ты один? Так если ты ушел сознательно от Выготского, то вас было много в Харькове, потом было много в Москве. Получается так, что у Леонтьева было, с одной стороны — отталкивание, а с другой стороны — желание светиться еще и светом Выготского. Была какая-то амбивалентность в отношении Леонтьева к Выготскому.»

⁴⁰ См., например, такое утверждение в хорошо известной статье Тулмин Ст. Моцарт в психологии // Вопросы философии, 1981, № 10, с. 127-137:

«Некоторые информированные американские обозреватели считают, что его идеи были более эффективно исследованы и использованы в течении последующих лет в США " такими людьми, как Дж. Флейвел из Стенфорда и Энн Браун из Иллинойского университета, - чем в Советском Союзе. В то время как западная психология начинает избегать позитивизма, которого она придерживалась ранее, русская академическая психология - ирония судьбы! - начинает выглядеть скорее похожей на американскую экспериментальную психологию прошедших сорока лет».

8. В Северной Америке (точнее, в США и, в значительно меньшей степени, в других англоязычных странах) «выготскианство» активно продвигалось сравнительно ограниченной и малочисленной, но вполне влиятельной группой научных деятелей прокоммунистической и просоциалистической ориентации, причем Выготский выступал фактически как суррогат и носитель марксистских идей, которые презентовались в закамуфлированном виде в обстановке пост-маккартистской Америки периода Холодной войны. Тем не менее, влияние левых интеллектуалов оставалось ограниченным вплоть до конца 1970х, когда резкое падение популярности Пиаже совпало с выходом в свет книги, сконструированной из разнообразных отрывков из тестов Выготского и его сотрудников. Книга была опубликована под именем Выготского и под редакцией четырех американских авторов, один из которых предрекал книге на момент ее выхода финансовый провал, а ее редакторам репутационные потери. Тем не менее, по не до конца ясным причинам ни то ни другое не состоялось: книга была принята читателями и получила особенно ярко выраженную известность не среди психологов, а в среде работников образования как необихевиористское обоснование (точнее, пожалуй, следует говорить о «культурном бихевиоризме») для восстановления в правах учителей, несколько утративших свой статус ведущей силы в учебном процессе и целый ряд своих свобод в ходе «пиажетианской революции» 1960х-1970х, выдвинувшей в центр образовательного процесса ученика как чуть ли не самодостаточного, самостоятельного и независимого его участника (Yasnitsky, 2014a)⁴¹. «Выготскианская педагогика», прочитанная и выстроенная как развитие весьма вольно истолкованного тезиса о «зоне ближайшего развития» послужила, таким образом, основной силой развития популярности Выготского в англоязычном мире и идеологической подкладкой дальнейшего развития «культы Выготского» в США, а вслед за этим и во всем мире, где «выготскианство» распространялось и развивалось в первую очередь марксистски-ориентированными научными и общественными деятелями как политически окрашенное левое течение в психологии⁴². За пределами США «выготскианство» развивалось во многом как

⁴¹ К этому же выводу пришли и озвучили его уже более двух десятилетий назад Ван дер Веер и Вальсинер; см. Van der Veer R., Valsiner J. Introduction / R. Van der Veer & J. Valsiner (eds.) // *The Vygotsky Reader*. Cambridge, Massachusetts: Blackwell Publishers, 1994. P. 1—9. Здесь приводится цитата в переводе на русский по недавней публикации Дафермос М. Критический анализ принятия теории Л.С. Выготского в международном академическом сообществе // *Культурно-историческая психология*. 2016. Том 12. № 3. С. 27–46. doi:10.17759/chrp.2016120303 (доступна в Интернете по адресу <http://psyjournals.ru/kip/2016/n3/dafermos.shtml>):

«Ван дер Веер и Вальсинер отмечают, что создание образа Выготского в США было связано с падением интереса к идеям Пиаже в 1970-х годах. “Послание Выготского — о роли «общественного порядка» в развитии детей (даже если это не его оригинальное, часто распространенное среди других мыслителей-социологов) — вписалось в американский образовательный контекст, где приписываемая Пиаже свобода учеников в выборе индивидуального обучения угрожала полномочиям и управленческим функциям учителей”». Статистическое подкрепление этому утверждению, полученное с помощью Google Ngram, подкорректировало датировку постепенного падения повышенного интереса к идеям Пиаже началом 1980х. Это уточнение было недавно представлено в совместном докладе Ясницкого и Ван дер Веера: Yasnitsky, A. & Van der Veer, R. (2016). Revisionist Revolution in Vygotsky Studies: The State of the Art & New Perspectives. Paper presented on June 29, 2016 at Joint Meeting of the European Society for the History of the Human Sciences (ESHHS) & International Society for the History of Behavioural and Social Sciences (CHEIRON), Barcelona, Spain; слайды доклада доступны в Интернете: <http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/presentationBarcelona-2016.pdf>

⁴² Ср., например, Тулмин Ст. Моцарт в психологии // *Вопросы философии*, 1981, № 10, с. 127-137: «именно тот факт, что Выготский с самого начала опирался на марксистский исторический подход, позволил ему выйти на оригинальный путь исследования развития ребенка. По Выготскому эти структуры являются продуктами

продолжение, отражение и в развитие интеллектуальных и социальных мод и трендов, заложенных в Соединенных Штатах, и, в частности, подтверждают тезис о том, что нарратив о Выготском как революционном ученом, чьи идеи опередили свое время и актуальны и в наши дни, создавался, поддерживался и развивался в разных странах в основном учеными, симпатизировавшими политически левому, коммунистическому, марксистски-ленинскому социальному проекту, по крайней мере, на начальном этапе создания «культы Выготского» в том или ином культурно-социальном окружении. Тем не менее, интереснейшие исследования последнего времени, посвященные анализу процессов рецепции как социального конструирования «выготскианства» в Западной Европе, Северной и Южной Америке обозначивают контуры будущей транснациональной истории мифологемы о «неуловимом гении Выготского» (фраза Дж. Брунера) и развившемся на этом основании международного «культы Выготского» (Aguilar, 2016; Fraser & Yasnitsky, 2015, 2016; García, 2013, 2015, 2016a, 2016b, 2016c; Mecacci, 2012; Métraux, 2015; Van der Veer & Yasnitsky, 2016a)⁴³.

Многие из названных исследований, вкуче с рядом совсем недавних оригинальных работ, — таких как, например, новая научная библиография работ Выготского, официально опубликованных в

процессов вхождения ребенка в социально - культурную общность. Именно материализм помог Выготскому и его сотрудникам избрать это направление.

Поэтому мы должны понять, что полные уважения ссылки Выготского и Лурии на Маркса и Энгельса совсем не являются данью политике. Этого не в силах понять даже почитатели Выготского на Западе. Например, когда у нас впервые публиковалась книга "Мышление и речь", издатели Евгения Ханфем и Гертруд Вакар сочли нужным убирать многие ссылки на идеи Маркса и Энгельса как не относящиеся к делу. Подобно тому как салонные картезианцы в конце XVII века рассматривали ссылки Декарта на Бога и Создание как дань приличия того времени, так и переводчики Выготского отнеслись к его ссылкам как к дани времени и приверженности Партии. Это была крупная ошибка издателей.

Даже в сталинскую эпоху Выготский был счастлив называть себя марксистом. Историко-материалистический подход обеспечил успех его научным изысканиям, это была философия, которая вооружила его, дала базис для интеграции таких наук, как психология развития, клиническая нейрология, культурная антропология, психология искусства. Это то, чем сейчас мы, психологи Запада, должны заняться общего с идеологическим конформизмом. Конечно, во времена Сталина по отношению к академическим психологам проводилась враждебная компания, особенно по отношению к аналитикам и последователям Фрейда.

И Лурия и его коллеги имели основания бояться государственной ориентации на профессиональную психологию в конце 30-х годов. Но они не приписывали эти заблуждения ни Марксу, ни Энгельсу. Да и сама политика Партии в отношении академической психологии совсем не преследовала цель уменьшить значение марксистской теории (в такой же степени мы имеем право обвинять идеи либерализма и демократизации только потому, что Ричард Никсон использовал их в своих гонениях на интеллигенцию).

Мы не имеем права недооценивать значение исторического материализма и ставить это в зависимость от нашего отношения к правительству СССР, если хотим справедливо оценить заслуги советской психологии и то значение, которое имели марксистские идеи на развитие теории человеческого поведения и развития ребенка. иначе мы окажемся в положении британских анатомов и физиологов, которые в начале XIX века ниспровергли французскую психологию из-за ее "атеистичности". Тогда мы, а не Лурия и Выготский окажемся не учеными, а проводниками идеологии. [VII] И в заключение: если американцы не смогут создать достаточно сильную теорию, подобную "историческому материализму", теорию, которая обладала бы столь же мощной интегрирующей силой, я думаю, наши попытки будут обречены на расщепление, разобщение».

⁴³ Среди наиболее интересных текстов этого плана можно также назвать такие: Mecacci, Luciano (2006). *La psicologia russa e le scienze psicologiche e psichiatriche in Italia nella seconda metà del Novecento*; García, Luciano Nicolás (2012). *La recepción de la psicología soviética en la Argentina: lecturas y apropiaciones en la psicología, psiquiatría y psicoanálisis (1936-1991)*; Woodward, William (2013). *Liebesgrüsse von Unter den Linden (From Unter den Linden, with Love): Eine transnationale Geschichte russischer Psychologie in Ost-Deutschland*; Gouarné, Isabelle (2013). *L'introduction du marxisme en France. Philosoiviétisme et sciences humaines, 1920-1939*; Dafermos, Manolis (2015). *Critical reflection on the reception of Vygotsky's theory in the international academic communities*

1920х-1930х годах на русском и еще пяти иностранных языках, — были подытожены в виде программной книги, озаглавленной «Ревизионистская революция в выготсковедении» (Revisionist Revolution in Vygotsky Studies) и вышедшей из печати в издательстве Паутледж (Yasnitsky & Van der Veer, 2016a)⁴⁴. В середине 2016 года состоялся и выход испаноязычной, расширенной версии этой книги (García, 2016b)⁴⁵. Очевидно, что развитие «выготскианского» наследия в 21 веке будет проходить в русле основных трендов, выявленных и отчасти заложенных в рамках ревизионистского проекта десятилетия 2006-2016, например, как развитие оригинального выготскианского проекта «психологии сверхчеловека» (Yasnitsky, 2014b), как интегральное био-социальное учение о сознании, организме и культуре (Yasnitsky, van der Veer, & Ferrari, 2014), как оригинальная исследовательская методология, предложенная в работах Курта Левина и его коллектива и развитая коллективом Выготского (Yasnitsky, 2016a; Завершнева, 2015a, 2015b, 2015c; Ясницкий, 2012a), или с точки зрения международного значения и практического применения анализа социальных макропроцессов грандиозного большевистского проекта переустройства мира и улучшения природы человека, одним

⁴⁴ К слову, описание ревизионистского проекта можно найти во Введении в книгу. Его автор — известнейший исследователь и пропагандист наследия Выготского на Западе, Алекс Козулин, сотрудник и академический координатор Института Фейерштейна в Иерусалиме (Academic Coordinator of the International Department at the Feuerstein Institute, Jerusalem, Israel), автор классических книг, например, по истории советской психологии (1984) и интеллектуальной биографии Выготского (1990), а также автор, пожалуй, наиболее известного и распространенного перевода «Мышления и речи» Выготского на английский язык (1986). Предваряя возможные вопросы читателей относительно введения термина «ревизионистская революция» с точки зрения культурно-исторической психологии, Козулин раскрывает, в чем состоит вышеупомянутый подход и дает описание его содержания отдельным вводящим текстом, который мы не имеем возможности здесь опубликовать целиком, но позволим себе лишь несколько существенных цитат.

В своем Введении Козулин утверждает, что «основным инструментом, используемым авторами для деконструкции выготскианского культа, является очень насыщенный социальный и идеологический анализ соответствующих периодов советской истории. Авторы идентифицировали и описали следующие факторы советской жизни как фундаментальные для понимания механики советской академической жизни и ее отражения в различных текстах: централизация и контроль, клановая ментальность, ритуальность, разрыв между теорией и практикой, интеллектуальный изоляционизм, культизм и агиографичность. Обсуждение этих факторов существенно обогатило наше понимание контекстов, в которых в реальности действовали советские психологи, работники сферы образования и медицинские работники» [23, xii]. Далее, Козулин подчеркивает, что «вдобавок к детальному обсуждению социального контекста жизни в СССР, авторы предлагают нам информативный пример исследования взаимоотношений между выготскианцами и их зарубежными коллегами на Западе; конкретно: представителями школы гештальт-психологии» [23, xiv]. И вправду, последняя из трех секций книги посвящена обсуждению вопросов «холизма и транснационализма», что лишний раз свидетельствует о принципиально транснациональной ориентации ревизионистского движения, как по географическому составу его участников, так и по охвату исследовательских тем. Козулин указывает, что «читатели также найдут полезным детальное обсуждение проблем публикации и перевода, которые ассоциируются с текстами Выготского» [23, xv]. В целом, обсуждение этой проблематики во многом лежит в русле систематического изучения специфики рецепции и социального конструирования научного наследия Выготского в Советском Союзе и в мире за пределами «железного занавеса», как это уже указывали другие комментаторы (см., например, отзывы Байфорда и Метро, выше). На этом общий обзор ревизионистского движения можно завершить, а заинтересованные читатели приглашаются к ознакомлению с программной коллективной монографией [23], а также и с конкретными ранее опубликованными исследованиями, доступными не только на английском, но и в значительной мере также и на русском языке.

⁴⁵ Книга предваряется двадцатистраничным Введением, которое написал известный кубинско-бразильский исследователь Фернандо Гонзалес Рей. Этот текст — как общее введение в ревизионистский исследовательский проект — может также быть небезынтересным, особенно для испаноязычных читателей, и, в совокупности с Введением к англоязычной версии книги Козулина, дает неплохое представление о международном значении этих работ.

из многочисленных выразителей которого был в том числе и Лев Выготский (Yasnitsky & Van der Veer, 2016b)⁴⁶.

⁴⁶ Ср., Эткинд А. Еще об Л. С. Выготском: забытые тексты и ненайденные контексты // Вопросы психологии. 1993. № 4. С. 37–54 (<http://www.voppsy.ru/issues/1993/934/934037.htm>): «Л. С. Выготский не был одиноким героем из ницшеанско-большевистской мифологии; тем более не был он мессией, ниоткуда явившимся спасать психологию и сразу нашедшим в ней верных апостолов. Это был человек культуры, интеллектуал, действовавший в основном русле современных ему эстетических, философских, политических и просто жизненных идей. Не родоначальник новых принципов, взявший их из недр своей одаренности, а один из представителей самых модных течений, владевших умами своего поколения. Не вундеркинд, родившийся марксистом, а литератор пост-символистской эпохи, пришедший к психологии и марксизму по сложным и характерным путям. Не “Моцарт психологии”, а человек своего времени, удачно приложивший его культурный опыт в новой и неожиданной области».

Literatura

- Aguilar, E. (2016). Vygotski en México: una travesía bibliográfica y otros temas breves. In A. Yasnitsky, R. Van der Veer, E. Aguilar, & L. N. García (Eds.), *Vygotski revisitado: una historia crítica de su contexto y legado* (pp. 361–373). Buenos Aires: Miño y Dávila Editores.
- Allik, J. (2013). Do primitive people have illusions? *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 6(3), 40–42.
- Fraser, J., & Yasnitsky, A. (2015). Deconstructing Vygotsky's Victimization Narrative: A Re-Examination of the "Stalinist Suppression" of Vygotskian Theory. *History of the Human Sciences*, 28(2), 128–153.
- Fraser, J., & Yasnitsky, A. (2016). Deconstructing Vygotsky's victimization narrative: a re-examination of the "Stalinist suppression" of Vygotskian theory. In A. Yasnitsky & R. Van der Veer (Eds.), *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* (pp. 50–69). London & New York: Routledge.
- García, L. N. (2013). El redescubrimiento de Vigotski. Un problema histórico y epistémico/The rediscovery of Vygotski: An historical and epistemic problem. *Revista Culturas Psi / Psy Cultures*, 1, 65–86.
- García, L. N. (2015). La «canonización» de Vigotski en España y Argentina (1978-1991). *Revista de Historia de La Psicología*, 36(2), 7–30.
- García, L. N. (2016a). Before the "boom": Readings and uses of Vygotsky in Argentina (1935–1974). *History of Psychology*, 19(4), 298–313.
- García, L. N. (2016b). Hacia el canon: Vygotski en España y Argentina (1978-1991). In A. Yasnitsky, R. Van der Veer, E. Aguilar, & L. N. García (Eds.), *Vygotski revisitado: una historia crítica de su contexto y legado* (pp. 337–359). Buenos Aires: Miño y Dávila Editores.
- García, L. N. (2016c). Versiones tempranas de Vygotski: su recepción en la Argentina (1935-1974). In A. Yasnitsky, R. Van der Veer, E. Aguilar, & L. N. García (Eds.), *Vygotski revisitado: una historia crítica de su contexto y legado* (pp. 305–336). Buenos Aires: Miño y Dávila Editores.
- Goncharov, O. A. (2013). Commentary on A.Yasnitsky's article "Kurt Koffka: 'Uzbeks DO HAVE illusions!' The Luria-Koffka controversy." *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 6(3), 34–36.

- Keiler, P. (2012). "Cultural-historical theory" and "Cultural-historical school": From myth (back) to reality. *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 5(1), 1–33.
- Kellogg, D. (2011a). Untangling a genetic root of Thinking and Speech: Towards a textology of Tool and Sign in Child Development. *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 4(4), 85–97.
- Kellogg, D. (2011b). Which is (more) original, and Does either version really matter? (A comment on A. Yasnitsky's "The Vygotsky That We (Do Not) Know: Vygotsky's Main Works and the Chronology of their Composition"). *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 4(4), 80–81.
- Kellogg, D., & Yasnitsky, A. (2011). The differences between the Russian and English texts of Tool and Sign in Child Development. Supplementary and analytic materials. *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 4(4), 98–158.
- Lamdan, E. (2013). Who had illusions? Alexander R. Luria's Central Asian experiments on optical illusions. *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 6(3), 66–76.
- Lamdan, E., & Yasnitsky, A. (2013). "Back to the future": toward Luria's holistic cultural science of human brain and mind in a historical study of mental retardation. *Frontiers in Human Neuroscience*, 7, 509.
- Lamdan, E., & Yasnitsky, A. (2016). Did Uzbeks have illusions? The Luria—Koffka controversy of 1932. In A. Yasnitsky & R. Van der Veer (Eds.), *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* (pp. 175–200). London & New York: Routledge.
- Mecacci, L. (2012). Русская психология и психология и психиатрия в Италии во второй половине XX века. *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 5(3), 73–80.
- Mecacci, L., & Yasnitsky, A. (2011). Editorial changes in the three Russian editions of Vygotsky's "Thinking and Speech" (1934, 1956, 1982): Towards authoritative and ultimate English translation of the book. *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 4(4), 159–187.
- Métraux, A. (2015). Lev Vygotsky as seen by someone who acted as a go-between between eastern and western Europe. *History of the Human Sciences*, 28(2), 154–172.

- Proctor, H. (2013). Kurt Koffka and the Expedition to Central Asia. *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 6(3), 43–52.
- Proctor, H. (2016). *Revolutionary thinking: A theoretical history of Alexander Luria's "Romantic science"* (PhD thesis). Birkbeck, University of London, London. Retrieved from <http://bbktheses.da.ulcc.ac.uk/186/>
- Van der Veer, R., & Yasnitsky, A. (2011). Vygotsky in English: What still needs to be done. *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 45(4), 475–493.
- Van der Veer, R., & Yasnitsky, A. (2016a). Translating Vygotsky: some problems of transnational Vygotskian science. In A. Yasnitsky & R. Van der Veer (Eds.), *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* (pp. 143–174). London & New York: Routledge.
- Van der Veer, R., & Yasnitsky, A. (2016b). Vygotsky the published: who wrote Vygotsky and what Vygotsky actually wrote. In A. Yasnitsky & R. Van der Veer (Eds.), *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* (pp. 73–93). London & New York: Routledge.
- Yasnitsky, A. (2009). *Vygotsky Circle during the Decade of 1931-1941: Toward an Integrative Science of Mind, Brain, and Education*. Ph.D. dissertation, University of Toronto.
- Yasnitsky, A. (2010). "Archival revolution" in Vygotskian Studies? Uncovering Vygotsky's archives. *Journal of the Russian and East European Psychology*, 48(1), 3–13.
- Yasnitsky, A. (2011a). "Kogda b vy znali iz kakogo sora...": K opredeleniiu sostava i khronologii sozdaniia osnovnykh rabot Vygotskogo ["I Wish You Knew From What Stray Matter...": Identifying the set of Vygotsky's major oeuvre and determining the chronology of their composition]. *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 4(4), 1–52.
- Yasnitsky, A. (2011b). Vygotsky Circle as a personal network of scholars: Restoring connections between people and ideas. *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 45(4), 422–457.
- Yasnitsky, A. (2012). Revisionist revolution in Vygotskian science: Toward cultural-historical Gestalt psychology. Guest editor's introduction. *Journal of Russian and East European Psychology*, 50(4), 3–15.

- Yasnitsky, A. (2014a). Vygotsky, Lev. In D. Phillips (Ed.), *Encyclopedia of educational theory and philosophy* (Vol. 2, pp. 844–846). Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Yasnitsky, A. (2014b, August). *Higher functions & “Height” Psychology: Vygotsky (Ab)Uses Leon Trotsky and Friedrich Nietzsche*. Presented at the 2° Congresso Internacional sobre a Teoria Histórico-Cultural e a 13ª Jornada do Núcleo de Ensino de Marília, Marília, Brasil. Retrieved from [http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20\(2014\).%20Nietzsche-Trotsky-Vygotsky.pdf](http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20(2014).%20Nietzsche-Trotsky-Vygotsky.pdf)
- Yasnitsky, A. (2016a). A transnational history of “the beginning of a beautiful friendship”: the birth of cultural-historical Gestalt psychology of Alexander Luria, Kurt Lewin, Lev Vygotsky, and others. In A. Yasnitsky & R. Van der Veer (Eds.), *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* (pp. 201–226). London & New York: Routledge.
- Yasnitsky, A. (2016b). The archetype of Soviet psychology: From Stalinism of the 1930s to the “Stalinist science” of our days. In A. Yasnitsky & R. Van der Veer (Eds.), *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* (pp. 3–26). London & New York: Routledge.
- Yasnitsky, A. (2016c). Unity in diversity: Vygotsky-Luria Circle as an informal personal network of scholars. In A. Yasnitsky & R. Van der Veer (Eds.), *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* (pp. 27–49). London & New York: Routledge.
- Yasnitsky, A., & Ferrari, M. (2008a). From Vygotsky to Vygotskian psychology: Introduction to the history of the Kharkov school. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 44(2), 119–145.
- Yasnitsky, A., & Ferrari, M. (2008b). Rethinking the early history of post-Vygotskian psychology: the case of the Kharkov school. *History of Psychology*, 11(2), 101–121.
- Yasnitsky, A., & Van der Veer, R. (Eds.). (2016a). *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies*. London & New York: Routledge.
- Yasnitsky, A., & Van der Veer, R. (2016b). *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies: The State of the Art & New Perspectives*. Presented at the Joint Meeting of the European Society for the History of the

- Human Sciences (ESHHS) & International Society for the History of Behavioural and Social Sciences (CHEIRON), Barcelona, Spain. Retrieved from <http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/presentationBarcelona-2016.pdf>
- Yasnitsky, A., van der Veer, R., & Ferrari, M. (Eds.). (2014). *The Cambridge Handbook of Cultural-Historical Psychology*. New York: Cambridge University Press.
- Zavershneva, E. (2012). Investigating the manuscript of L.S. Vygotsky's "The historical meaning of the crisis in psychology." *Journal of Russian and East European Psychology*, 50(4).
- Zavershneva, E. (2014). The Problem of Consciousness in Vygotsky's Cultural-Historical Psychology. In A. Yasnitsky, R. Van der Veer, & M. Ferrari (Eds.), *The Cambridge Handbook of Cultural-Historical Psychology* (pp. 63–97). Cambridge: Cambridge University Press.
- Zavershneva, E. (2016). Vygotsky the unpublished: an overview of the personal archive (1912-1934). In A. Yasnitsky & R. Van der Veer (Eds.), *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* (pp. 94–126). London & New York: Routledge.
- Александрова, Е. А. (2016). Конференция по нейропсихологии в научной группе Л.С. Выготского (начало 1930-х гг.): результаты исследования архива А.Р. Лурии. Presented at the Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2016». Секция «Психология». Подсекция «Актуальные проблемы нейропсихологии», Москва: МГУ. Retrieved from http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2016/data/8477/uid102037_report.pdf
- Ахутина, Т. В. (2012). Комментарии к двум документам из архива А.Р.Лурии. *Вопросы психологии*, (4), 71–85.
- ван дер Веер, Р. (2012). Рукописи не горят, не так ли? *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, (1), 139–144.
- ван дер Веер, Р., & Завершнева, Е. (2012). «To Moscow with love»: Реконструкция поездки Л.С. Выготского в Лондон. *Вопросы психологии*, (3), 89–105.

- Гольдберг, Э. (2012). «Спасибо за эти замечательные материалы – очень интересно». *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, (1), 121–123.
- Гончаров, О. А. (2013). Комментарий к статье А. Ясницкого «Курт Коффка: “У узбеков ЕСТЬ иллюзий!” Заочная полемика между Лурией и Коффкой». *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, (3), 26–32.
- Завершнева, Е. (2008а). Записные книжки, заметки, научные дневники Л.С. Выготского: результаты исследования семейного архива (часть 1). *Вопросы психологии*, (1), 132–145.
- Завершнева, Е. (2008b). Записные книжки, заметки, научные дневники Л.С. Выготского: результаты исследования семейного архива (часть 2). *Вопросы психологии*, (2), 120–136.
- Завершнева, Е. (2009а). Исследование оригинала рукописи Л.С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса». *Вопросы психологии*, (6), 119–137.
- Завершнева, Е. (2009b). «Ключ к психологии человека»: комментарии к блокноту Л.С. Выготского из больницы «Захарьино» (1926 г.). *Вопросы психологии*, (3), 123–141.
- Завершнева, Е. (2012). Еврейский вопрос в неопубликованных рукописях Л.С. Выготского. *Вопросы психологии*, (2), 79–99.
- Завершнева, Е. (2013). «Молюсь о даре душевного усилия»: мысли и настроения Л.С. Выготского накануне революции 1917 г. *Вопросы психологии*, (3), 125–142.
- Завершнева, Е. (2015а). Две линии развития категории “смысл” в работах Л. С. Выготского. *Вопросы психологии*, (3), 116–132.
- Завершнева, Е. (2015b). Представление о смысловом поле в теории динамических смысловых систем Л. С. Выготского. *Вопросы психологии*, (4), 119–135.
- Завершнева, Е. (2015c). Проблема свободы как отличительной характеристики человека в работах Л.С. Выготского. *Вопросы психологии*, (5), 89–106.

- Завершнева, Е., & Осипов, М. (2010). Основные поправки к тексту «Исторический смысл психологического кризиса», опубликованному в 1982 г. в собрании сочинений Л.С. Выготского. *Вопросы психологии*, (1), 92—103.
- Завершнева, Е., & Осипов, М. (2012). Сравнительный анализ рукописи “(Исторический) Смысл психологического кризиса” и ее версии, опубликованной в т. 1 собрания сочинений Л.С. Выготского (1982) под редакцией М.Г. Ярошевского. *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, (3), 41–72.
- Кайлер, П. (2012). «Культурно-историческая теория» и «культурно-историческая школа»: От мифа (обратно) к реальности. *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, (1), 34–46.
- Коул, М. (2012). Комментарии к предыдущим комментариям. *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, (1), 128–132.
- Ламдан, Э. (2013). У кого были иллюзии? Среднеазиатские эксперименты А.Р. Лурии с оптическими иллюзиями. *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, (3), 53–65.
- Лурия, А. Р. (2012). Письма к Л.П. Липчиной из Харькова. *Культурно-историческая психология*, (2), 11–19.
- Лурия, А. Р. (2014). Конспект доклада Л.С. Выготского «О сознании». *Вопросы психологии*, (6), 75–88.
- Лучков, В. В., & Певзнер, М. С. (1981). Значение теории Л. С. Выготского для психологии и дефектологии. *Вестник МГУ. Серия 14. Психология*, (4), 60–70.
- Ренатус. (2012). «Дело в том, что в архиве Выготского нашли поначалу только английскую версию этого текста...». *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, (1), 114–117.
- Ясницкий, А. (2008). Очерк истории Харьковской школы психологии: период 1931 — 1936 гг. *Культурно-историческая психология*, (3), 92–102.

- Ясницкий, А. (2009). Очерк истории Харьковской школы психологии: первая научная сессия Харьковского государственного педагогического института и появление “Харьковской школы психологии” (1938). *Культурно-историческая психология*, (2), 95–106.
- Ясницкий, А. (2011). «Когда б вы знали, из какого сора...»: К определению состава и хронологии создания основных работ Выготского. *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, (4), 1–52.
- Ясницкий, А. (2012а). К истории культурно-исторической гештальтпсихологии: Выготский, Лурия, Коффка, Левин и др. *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, (1), 60–97.
- Ясницкий, А. (2012b). Психология в Первой Столице: История и современность. In Т. Б. Хомуленко & М. А. Кузнецов (Eds.), *Харьковская школа психологии: наследие и современная наука* (pp. 309–351). Харьков: ХНПУ.
- Ясницкий, А. (2012с). Реконструкция поездки А.Р. Лурии на IX Международный психологический конгресс. *Вопросы психологии*, (4), 86–93.
- Ясницкий, А. (2013). Курт Коффка: “У узбеков ЕСТЬ иллюзий!” Заочная полемика между Лурией и Коффкой. *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, (3), 1–25.
- Ясницкий, А. (2015а). Сталинская модель науки: история и современность российской психологии. Presented at the Ананьевские чтения – 2015: Фундаментальные проблемы психологии, СПб.: СПбГУ. Retrieved from [http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20\(2015\).%20Stalinist%20Russian%20psychology.pdf](http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20(2015).%20Stalinist%20Russian%20psychology.pdf)
- Ясницкий, А. (2015b). Сталинская модель науки: история и современность российской психологии. *РЕМ: Psychology. Educology. Medicine*, (3-4), 407–422.

Ясницкий, А. (2017). “Орудие и знак в развитии ребенка”: Самая известная работа Л.С. Выготского, которую он никогда не писал. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*.